

Михаил Коротков

**У каждого своя
война**

Михаил Коротков

У каждого своя война

«Автор»

2026

Коротков М. А.

У каждого своя война / М. А. Коротков — «Автор», 2026

Идет Великая Отечественная война. Немецкий офицер, советский офицер, белорусская девушка и рядовой Красной армии в горниле войны борются за свое право на жизнь. Эта борьба, после победы, продолжается и в послевоенное время. Некоторые из описанных в романе событий, происходили в действительности, иные же – плод фантазии автора. Приведенные на страницах книги военные хроники, получены из открытых источников и переработаны под содержание романа. Отдельные события, произошедшие на территории Борисоглебского района Ярославской области, имеют автобиографический характер. Книга посвящена памяти Шорохова Леонида Александровича, уроженца деревни Денисьево, Борисоглебского района, Ярославской области, ветерана Великой Отечественной войны.

© Коротков М. А., 2026

© Автор, 2026

Михаил Коротков

У каждого своя война

Коротков М.А.

«У каждого своя война»

Роман

Ростов Великий

2026

От автора

Данным романом я завершаю цикл произведений о своих близких. Леонид Александрович Шорохов был младшим братом моей бабушки (по отцу) Коротковой (Шороховой) Анны Александровны. В детстве мне довелось часто общаться с ним и слушать его рассказы о войне. Будучи подростком, его награды, я держал в руках и гордился ими, а в более зрелом возрасте, он стал для меня примером верности и долга. Многие из сюжетов данного романа произошли в действительности, фамилии отдельных действующих лиц, которые запомнили очевидцы, не изменены. Другие же персонажи (сведений о которых нет) - носят произвольные фамилии. Военные хроники, которые приведены в книге, почерпнуты из общедоступных военных сводок.

Сведения о сержанте ТОФ и технике-лейтенанте Шорохове Леониде Александровиче, 13.02.1916 г.р., уроженце деревни Денисьево Борисоглебского района Ярославской области, призыв: 21.10.1939 года, можно получить на портале «Память народа» www.pamyat-naroda.ru

Глава 1.

6 апреля 1941 года танки 6-й танковой роты обер-лейтенанта Ганса Иоахима Вольшлегера были погружены в эшелоны у солнечного побережья Франции близ Бордо. Поезд повез их сначала к швейцарской границе, затем к Страсбургу, потом через Рейн и всю Германию к городку Фульде. Оттуда своим ходом танки прошли по дорогам Чехословакии, пока не достигли Бургенланда.

Ганс за эти десять дней, когда все это происходило, выпил немало прекрасного вина и в избытке наслаждался неподражаемым гостеприимством местных фрау. Под покровом темноты, провожаемые пожеланиями удачи милых хозяек, военнослужащие вермахта продолжили свой путь. Сначала вернулись в Богемию, а оттуда к полигону на Варте. Последующие дни на полигоне до отказа были заполнены учениями, техническим обслуживанием и ремонтом машин, спортивными соревнованиями, стрельбами и снова учениями.

20 июня 1941 года 35-й танковый полк, куда входила и рота Ганса Вольшлегера, наконец сосредоточился на берегу реки Буг, близ советской границы. Танки располагались всего в нескольких сотнях метров от берега Западного Буга, и, наверняка, без особых проблем, их могли наблюдать русские. Действительно, ли будет война с Россией? – этот вопрос будоражил умы офицеров и солдат вермахта. И ответа на этот вопрос, не было. Танкисты выкопали себе землянки с непробиваемыми шрапнелью и осколками стенами, и начали маскировать свои машины, пока те не стали совсем не различимы на фоне окружающей местности. Все было спокойно. Ни огня, ни звуков, ни авиации, ни солдат было не видно и не слышно. Мир вокруг будто замер. Всякое движение прекратилось. Воцарилась тревожная тишина, но всех не покидали дурные предчувствия. Каждый солдат и офицер ощущал, что всего несколько часов отделяет его от чего-то нового, неизвестного и, поэтому, страшного. Что принесет ближайшее будущее? Какую цену за все это потребуются заплатить? Никто не знал! Непривычная скованность и морозный холод пробирались в души.

Ранним утром 22 июня, в 3:15 артиллерия вермахта открыла огонь из всех имеющихся стволов по русскому берегу. Снаряд за снарядом летели над головами танкистов 35-го танкового полка. Отливающие серебром в первых лучах солнца, немецкие самолеты заполнили небо огромными стаями, устремляясь на восток. Клубы дыма и фонтаны вздымающейся земли висели в воздухе, медленно оседая на фоне утренней зари, и все это, как что-то невероятное и сказочное, наблюдал Ганс сквозь окуляры своего бинокля.

Вслед за первыми наступающими подразделениями, которые форсировали реку на лодках и плотах, танковый полк вышел в район сосредоточения для наступления прямо у берега реки. Сопротивление противника было слабым. В 12:00 разведчики и авангард форсировали реку на понтонном пароме вместе с автомобильными радиостанциями. Танки все еще вынуждены были ждать, потому что из огневых точек в мостах русские продолжали стрелять. Приданная полку пехота быстро подавила все очаги сопротивления, и танкисты двинулись вперед. Машины вязли в песке.

Песок, песок, повсюду был один только песок и столбы пыли на берегу Западного Буга. Это все, что Ганс видел, разместившись на башне своего танка. Его бодрый Т-III, плавно покачиваясь словно катер на воде, легко проходил бугры и ямы и двигался первым в колонне 6-й роты. Вперед! – таков был лозунг часа, пока основные силы противника не закрепились, чтобы дать бой. Отдельные советские танки и артиллерийские орудия пытались оказать сопротивление, но все они были быстро уничтожены. Командир полка полковник Эбербах двигался следом за танком Вольшлегера, а за ним, сметая все на своем пути, шла 6-я рота, и это продолжалось, пока не кончилось топливо в баках.

На следующее утро появились великолепные транспортные самолеты «Юнкерс-52» и сбросили топливные канистры. Однако топлива для всех танков оказалось недостаточно, и рота вынуждена была еще сутки дожидаться подхода топливозаправщиков возле белорусской деревни Дыбуньки. Это объяснялось тем, что подразделения материального обеспечения не поспевали из-за плохих дорог. Кроме того, они часто становились добычей русской авиации. Командный пункт полка, следовавший вместе с 6-й танковой ротой, едва только успел разместиться, как подвергся налету советских самолетов. Правда, немецкие истребители не дремали и действовали весьма решительно. Они сбили вражеский бомбардировщик прямо над деревней. Из горящей машины выпрыгнули с парашютами два человека. Раскрылся только один парашют. Второй летчик зарылся в песок рядом с командным пунктом. В нескольких метрах от него в землю врезался падавший вертикально вниз самолет. Пока человек был еще в воздухе, Ганс видели его искаженное страхом лицо, открытый рот и слышал ужасный крик. Другой парашют медленно плыл прямо к расположению роты. Летчик тщетно пытался направить его в другую сторону, раскачиваясь и извиваясь всем телом. Ему не повезло – стояло полное безветрие. Танкисты бросились ему на помощь. Летчик приземлился без травм, быстро сбросил парашют и попытался убежать. Немцы бросились следом и окружили его. Русский летчик достал пистолет и стал стрелять. Его тоже взяли на прицел, и он вынужден был сдаться. У летчика быстро отобрали пистолет, поскольку показалось, что он сделал попытку застрелиться. После чего пленного отвели к командиру бригады, полковнику фон Заукену, хорошо говорившему по-русски. Но русский, отвечавший на вопросы хладнокровно и обдуманно, так и не признался, откуда он взлетел, и из какой он части. Тем не менее, он был удивлен тем, что немцы, несмотря на это, обращались с ним хорошо, и даже помогли ему похоронить погибшего товарища.

Так началась война для уроженца деревни Майнсдорф, что на Эльбе, Ганса Иоахима Вольшлегера.

Старый дом стоял на отшибе, за забором сельского кладбища, как бы между посадками, словно изгой: *«ни вашим, ни нашим»*. Здесь жила семья Серафима Кестера, немца по рождению, бывшего солдата первой мировой. В 1915 году он попал в плен, да так и остался, женившись на местной девице Симе, еврейке, что на его прежней Родине совсем было невозможно. Новая Родина не сильно его любила (порой, зная о его происхождении, досаждали сотрудники НКВД), но и умереть не давала: Серафим ковал лошадей и этим зарабатывал на жизнь. Другей у него почти не было, разве что Михаил Коротков, местный скорняк, который на языках тоже был *«врагом народа»* и недавно вернулся из заключения. Тем не менее, в семье родилось четверо детей: Витька, Колька, Леха да девица Клавка. И вот сегодня троих своих мальчиков Серафим провожал на фронт, на войну со своим племенем. Он затолкал за дверь Симу, которая выла, как волчица, и успел только проводить глазами полуторку, которая увозила его сыновей. Все произошло быстро: утром на машине примчались сотрудники Борисоглебского военкомата со списком, и, согласно этой бумаге, забрали всех, кого из дома, а кого прямо с работы – времени не дали собраться, как следует и проститься. Бабы, кто не успел проводить своих, кинулись пешком по Борисоглебской дороге, да не догнали. Вой и стенания стояли в селе дотемна.

В своих воспоминаниях Витька Кестер часто возвращался к этому дню: он представлял осунувшегося от безысходности отца и убитую горем мать, и рядом, в кузове полуторки, своих братьев, пока они были рядом. Но в Ростове, райцентре, Кестеров поставили в разные команды. Витька попал в Переславль, в запасной полк, где в течение недели, в суете и неразберихе его пытались чему-то научить, но единственное, что, по его мнению, принесло хоть какую-то пользу – это кормежка. Кормили мало, но регулярно. Так, наскоро пройдя сборы в Переславской территориальной части, Витька попал в маршевую роту, которая направлялась в самое пекло войны – через Москву и Луганск на Юго-Западный фронт, в город Умань.

Шеренга, построенная в два ряда, в затылок один другому, изнемогала. Однако старший, пожилой майор, строй не распускал. Курский вокзал Москвы был переполнен народом, и майор небезосновательно полагал, что кое-кто из его подопечных сумеет затеряться в этой толкучке. Слева от Витьки, постоянно шаркая его плечом, стоял худой чернявый парнишка. Его голова на длинной шее, казалось, крутилась на 180 градусов.

-«Еврей?» - задал ему Витька прямой вопрос.

-«Кто?» - непонимающе захлопал глазами паренек.

-«Ты! Вид у тебя, как у еврея. Я слышал, немцы таких не жалуют».

-«А я что, собираюсь с ними чаи гонять? Вот наши навалиют им по первое число, тогда посмотрим, кто кого будет жаловать. Конечно, мы можем туда и не успеть, пока здесь стоим да ждем, - продолжал тот задумчиво, - поезда-то все нет».

-«Не спеши, идя на рати, - резюмировал Витька, - а спеши, идучи с рати».

-«Где ты набрался этого говна?».

-«Где набрался – там уж нет» - закончил Витька разговор.

Строй повернули налево и повели вдоль перрона к стоящему поодаль составу.

-«Не могут, сволочи, к перрону подать, как людям, - прорычал Витька, - да мы не люди для них, мы - скот. Вагоны - то для скота! Ха-ха!».

-«Залепи свое рыло, слизняк, - ткнули ему кулаком в спину, - не то пешком пойдешь».

-«Да я не очень и спешу» - съязвил в ответ Витька.

Состав до Луганска тянулся почти двое суток, но это время для Витьки пролетело как мигновенье, потому что теперь он сидел в сыром окопе, который дышал землей и щекочущим ноздри запахом тротила. Блиндажи соорудить было некогда, да и некому было – до их прибытия в окопе сидела едва ли неполная рота, не то, что батальон или полк. А по наименованию, куда прибыла маршевая рота, это был 2-й батальон 224-го горнострелкового полка, входящего

в состав 13-го стрелкового корпуса. Эти сведения, прежде чем загнать пополнение в сырые окопы, любезно предоставил их новый командир капитан Мезенцев Н.П.

-«Холодно, мать твою...» - Витька сидел на дне окопа и кутался в шинель, которая никак не хотела его согреть. Вечерело и ночь предстояло коротать в этом сыром окопе.

-«Соловьев, к комроты» - передали по цепочке по окопу; пригибаясь и перешагивая через находящиеся в окопе тела, мимо прошмыгнула тень. Через четверть часа тень вернулась и нависла над Виктором. Сапог ткнулся ему в бок.

-«Кестер, подъем, заступаешь в охранение» - голос принадлежал его командиру отделения, сержанту Соловьеву.

За ним пригибаясь от бруствера, на корячках сидели еще два красноармейца.

-«Ползком вон до того пня, там влево пойдет окоп..., - показал он рукой вдаль, - там найдете троих бойцов, их надо сменить. Это приказ!».

-«Не курить, огня не разжигать, слушать..., - продолжал он, - если шум – на шум стрелять; немец близко: мотоциклисты, разведка...» - закончил Соловьев.

-«Поползли» - сказал чернявый красноармеец, его Соловьев назначил старшим. Витька узнал в нем своего соседа по маршевой колонне. Паренек выскользнул из окопа и, топорща зад и волоча за ремень винтовку, пополз первым.

-«А..., это ты, еврей?» - Витька едва успевал за ним, - не спеши, успеем сдохнуть».

Чернявый не ответил и продолжал ползти. Наконец они свалились в какую-то неглубокую яму, воронку от взрыва, и огляделись. Пень, на который указывал сержант, был совершенно не виден. Горизонт отдавал вспышками света, за которым через секунду следовало эхо взрыва – фронт приближался. Из леска, что чернел справа за оврагом, иногда взлетали белые ракеты, которые подолгу висели в небе, образуя вокруг себя белый светящийся нимб. Вероятно, там уже были немцы. Где-то стрекотали пулеметные очереди попеременно с хлопками одиночных выстрелов. Пули на излете с шуршаньем падали на землю где-то рядом.

-«Эй! - крикнул в полголоса Семен (так звали еврейчика) куда-то в темноту, - где вы?».

-«Давай сюда!» - впереди зажглась и погасла спичка.

Солдаты перебежкой преодолели оставшееся расстояние. Это был неглубокий окопчик, вырытый наскоро, поскольку не было в нем ни оборудованных для стрельбы позиций, ни деревянной опалубки. В окопе сидели два бойца и наблюдали за обстановкой.

Никакой новой информацией они не владели, и, как только пришла замена, быстро ретировались. Витьке стала хорошо понятна их поспешность, поскольку здесь было страшно – все-таки сказывался отрыв от своих. Но в то же время было больше свободы – можно было заняться делами, за которые в подразделении, если кто увидит, не похвалят и с высокой вероятностью отдадут под трибунал.

Витька достал из кармана скомканный листок и урывками, под светом взлетающих ракет, стал читать его. Это была немецкая листовка. Она была исполнена на хорошей, курительной, бумаге с карикатурой, изображающей солдат, сдающихся в плен. Ниже стояла надпись: «*Бей жидов - политрука, розга просит кирпича!*». Как понял Витька, эта листовка могла служить пропуском к немцам, чтобы сдать в плен. И, когда-нибудь, при счастливом стечении обстоятельств, она могла бы ему пригодиться. А сейчас солдат снова скомкал ее и засунул глубоко в карман – не время еще.

Глава 3.

22 июня 1941 года, когда танкисты Вольшлегера пересекли Буг и оказались на территории России, им вручили маленькие книжечки-разговорники с несколькими русскими фразами. Среди прочих там были такие: «*Sdrasdwidje! – Здравствуйте!*», «*Rucki werch! – Руки вверх!*»

Ганс чуть язык себе не сломал, пытаясь повторить эти непривычные слова. Чтобы быть полностью честным, он особенно и не пытался научиться этому трудному языку.

10 июля 1941 года. 6-я рота получила приказ сопровождать большой боевой дозор. Танкисты на понтонах переправились через Днепр; им предстояло разведать местоположение полевых укрепленных позиций врага, которые находились несколько дальше. Дозорные смогли беспрепятственно пройти по заболоченной местности, не встретив серьезного сопротивления, и вошли в лес. Однако вслед за этим разразился настоящий ад. Русские подпустили дозор ближе, после чего взяли в клещи. Они атаковали со всех сторон. В свете дня немцам еще как-то удавалось спасать себя, хотя и с большим трудом, даже несмотря на то, что все пути к отступлению были отрезаны. Однако приближение ночи вызывало нешуточную тревогу, потому что противник не только превосходил в численном отношении, но и намного лучше знал особенности рельефа местности. Более того, русские были более привычны к боям такого типа и местному климату. Однако командир бригады, полковник фон Заукен, был старым «стреляным волком». Каждый раз, когда враг развешивал решительную атаку, танкисты ныряли в очередное темное место, и русским приходилось снова искать их и снова затевать бой.

В ночь с 8 на 9 июля 13-й стрелковый корпус Красной армии закрепился в районе Поповки. Для удобства управления приказом командующего войсками Юго-Западного фронта все находящиеся здесь войска были объединены под общим командованием генерал-майора П. Понеделина.

Вести борьбу теперь, приходилось, на два фронта: на западе держать оборону, отбивая атаки немцев, а на востоке — наступать в северо-восточном направлении, с целью соединиться с частями 26-й армии.

60-я горнострелковая дивизия оборонялась на рубеже Хреновка — Пархомовка — Белки. 224-й гсп располагался у Пархомовки (в 15 километрах от трассы Киев — Одесса) и, будучи утром 10-го июля атакован противником, отвлел свой правый фланг назад.

В лесочке, что зеленел на другом конце пустыря, возможно, были уже немцы. Проверить это не было никакой возможности. Ходили слухи, что они смогли переправиться через Днепр. Проверить, есть ли немцы в лесочке можно было двумя способами:

- провести разведку боем (что делать сильно не хотелось по причине дефицита личного состава);

- направить разведчиков.

Выбрали второй, наименее затратный способ. Однако, никого из разведроты комполка не дал (берег) и ротный Жора Щегольков на свой страх и риск, почесав затылок, назначил троих, коим следовало добраться до лесочка и узнать, кто там?

Из избранных только старшина Никифоров был кадровым военным, и ему придали двух новобранцев: рядовых Кестера и Пономарева.

Когда Витка оказывался в какой-нибудь опасной передрыге, мысль перейти к немцам и сдаться в плен приходила к нему все чаще. Не то чтобы в нем играла его немецкая (еврейская?) кровь — просто он хотел жить и, при этом, жажду жизни органично дополняла тщательно скрываемая ненависть к Советам, которая передалась ему от отца, постоянно угнетаемому и преследуемому органами. Оказаться в непосредственной близости к противнику давало Витке шанс, при этом, он искренне считал себя немцем, хотя при ближайшем рассмотрении в нем скорее можно было обнаружить еврейские корни. Но об этом Виктор не привык задумываться.

Получив задачу, они мелкими перебежками стали продвигаться к лесу. Достигнув опушки, следовало оглядеться, и Никифоров, а следом за ним и двое новобранцев, осторожно двинулись вглубь.

Наконец настало утро, которого так ждали немецкие танкисты. Как только рассвело, дозорные начали перегораживать лесные тропы, устраивая на них завалы. Русские, видимо, перегруппировались для очередной атаки. Вместе с одним из товарищей Ганс стоял за толстым дубом и с биноклем изучал позиции противника. Вдруг он увидел трех приближавшихся русских солдат. Те старались перебежками занять подходящую позицию. С каждым мгновением

они были все ближе и ближе, подходили на 100 метров... 50 метров... 20 метров... Оставаясь в укрытии, Ганс прицелился в ближнего из автомата. От него не ускользало ни одно его движение, ни одна его гримаса.

Он никогда раньше не целился в человека из оружия, и за считанные мгновения ощутил всю абсурдность этой войны. Немецкий офицер, к большому стыду, оказался не способен лишить жизни солдата с добродушным лицом только потому, что тот русский, а Ганс- немец.

В конце концов, русский ничего плохого Гансу не сделал. Но если он не убьет русского сейчас, то на спусковой крючок нажмет уже русский. Однако, был еще вариант - попытаться взять солдат противника в плен.

Но, черт побери, как сказать по-русски *«руки вверх»*? *«Sdrasdwidje»*? Или *«Rucki werch»*? Как будет правильно? Ганс судорожно пытался вспомнить, но это ему никак не удавалось. Наконец, он выбрал первый вариант. Когда трое русских солдат были уже совсем близко, Вольшлегер гаркнул во все горло: *«Sdrasdwidje!»* (*Здравствуйте!*).

Три вражеских солдата тут же застыли на месте, как будто громом сраженные. Секунды казались вечностью. Слава богу, они ничего не сделали. Гансу захотелось снова крикнуть *«Sdrasdwidje»*, но от волнения с губ почему-то сорвалось лишь какое-то жалкое шипение.

Неожиданно лицо одного из русских, в глаза которого Ганс напряженно вглядывался, расплылось в широкой улыбке. Он сорвал с головы каску и изящным движением, как средне-вековый кавалер, поклонился, не сводя с Вольшлегера глаз.

«Здравствуй, господин!» – ответил русский. И только тут до Ганса дошло, что вместо того, чтобы потребовать от русского поднять руки вверх, Вольшлегер поприветствовал его.

Лица бойцов – товарищей Витьки окаменели, его перевоплощение стало для них сюрпризом. Немец опустил оружие и дал Витьке закурить. Табачок был так себе, кислый. Последовали вопросы:

- *«Wer bist du?»* (*Кто вы?*). Пока Витькины товарищи, обезоруженные и лишенные всякой возможности сопротивляться, сидели на земле, стоявшие вокруг Кестера немецкие танкисты ощупали его сверху донизу, а главный, обер-лейтенант, стал изучать его красноармейскую книжку.

- *«Du bist ein Jude?»* (*Ты еврей?*) – неожиданно спросил он.

Витьке пришлось вспомнить весь скромный запас немецких слов, который он знал еще со школы, он затараторил:

- *«Nein, nein, ich bin folksdoyche!»* (*Нет, нет, я фольксдойче!*).

Откровения Витьки обер-лейтенанта не убедили, и он приказал:

- *«Zieh die n ose aus!»*. (*Снимай штаны!*). Для убедительности он продемонстрировал действие руками.

«Schnell!».

Для немцев это выглядело забавно, и они гоготали; для Витьки же это был момент истины на грани расстрела.

Осмотр репродуктивной системы принес положительные результаты - не еврей! После этого немец стал уже более сентиментальным и начал выспрашивать сначала о полку, а затем обо всем подряд: где живешь? кем работаешь? и т.п.

- *«Уф!»* - Витька выдохнул и с трепетом, дрожащими руками, достал из штанов скомканную немецкую листовку – пропуск, протянул ее Гансу и с надеждой затараторил:

- *«Вот! Я к вам шел! Хочу плен, хиви 1!»*. Далее он, путая русские и немецкие слова, выдал по памяти что-то такое, что давно заучил:

- *«Ich kann kochen, a utos reparieren, waffen reinigen, munition bringen — ich kann alles tun, was sie wollen. Und ich werde gegen die roten kämpfen»*. (*Я могу: готовить еду, ремонтировать машины, чистить оружие, подносить боеприпасы - могу делать все, что захотите. И буду сражаться с красными*).

Витька заискивающе лепетал, судорожно подбирая немецкие слова. Нужно было понравиться этому немцу, чтобы тот оставил его при себе, как хиви. В лагерь военнопленных Витьке совсем не хотелось.

Наблюдая этот эмоциональный монолог, немцы весело смеялись.

Прошло совсем немного времени, когда каждый из трех пленных смог самую малость разговаривая по-немецки, изложить немцам свои биографии. Виктор вырос в лесах Русского Севера, на Верхней Волге. Там он стал *«специалистом»*, как он с гордостью назвал себя, на сельской МТС где-то под Ярославлем, где чинил трактора. Но больше всего Виктор, как он сам заявил, гордился своими немецкими корнями, тем, что он не какой-то там славянский ублюдок, как прочие, а *«Volksdeutsche»*: его отец, по легенде Виктора, урожденный немец по фамилии Кестнер, в годы мировой войны попал в плен и женился на русской. При рождении Витьки в метрической книге, не мудрствуя лукаво, букву *«Н»* пропустили – так стал он Кестером, сыном колхозника. Ганс, конечно, не верил всей этой галиматье, которую нес Виктор, и за основу взял его красноармейскую книжку. Настораживало Вольшлегера отчество Виктора – Серафимович (Jude?). Но написано оно было неразборчиво и смахивало на *«Сергеевич»*. Чтобы исключить такое недопонимание, и было приказано Виктору спустить штаны для осмотра. К величайшему везению, отец Виктора, если и был евреем (о чем Витька вдруг с ужасом начал догадываться), то принял православную традицию и обрезание не сделал. Уши, осмотренные несколькими знатоками, также не выдали парня.

Лишь на третий день остальным машинам немецкого батальона удалось переправиться на другой берег Днепра. Русские взорвали все мосты, и немецким саперам пришлось возводить мосты временные, причем в весьма скверных условиях, часто под артиллерийским огнем противника. Тем временем 6-я рота была предоставлена сама себе. К счастью, танкисты Вольшлегера смогли выбраться из леса и заехали в небольшую деревеньку с немногочисленными крестьянскими избами.

Следует сказать, что 6-я танковая рота не успела получить никаких пайков. Питаться приходилось подножным кормом. А Виктор оказался великим специалистом по поиску съестного. Он обеспечивал танкистов картофелем, морковью и всеми прочими продуктами, которые только попадали ему под руку. Так, он стал готовить еду для всей роты.

За то короткое время, что Виктор находился при Вольшлегере, Ганс научился лучше понимать этого странного человека и его привычки. Через три дня, наконец, прибыли долгожданные танки батальона. Пленных надлежало отправить на сборный пункт, включая и Виктора, с которым Ганс, уже, привыкнув к его услугам, не хотел расставаться. Но что Виктор будет делать вместе с немцами на передовой? Следовало подчиниться.

Перед тем как отправиться дальше, Ганс зашел в бедную крестьянскую избу, в которой Виктор обычно готовил еду. Он действительно не знал, почему решил заглянуть туда. Сначала ему показалось, будто увидел призрака. Военнопленный Кестер (который, как Ганс думал, находится в глубоком тылу, примерно в 50-ти километрах отсюда) шагнул из темного угла и сказал: *«Я остаюсь с тобой, начальник... мой господин»*.

Виктор так умоляюще смотрел на Вольшлегера, что тот подумал, будто русский лишился рассудка, и лишь потом понял, что тот говорит абсолютно серьезно. Командир батальона, в итоге, разрешил Виктору поехать с 6-й ротой, оставив его в качестве obsługi полевой кухни, после того, как Ганс аттестовал его самым благоприятным образом.

Немцы двигались все дальше и дальше на восток, вглубь России. Виктор оказался удивительно полезным. Он ремонтировал и обслуживал машины полевой кухни, позднее сам сел за руль грузовика, в котором развозилась еда. Кроме того, Кестер оказался мастером на все руки и не раз помогал хоронить погибших боевых товарищей. Вскоре он стал неотъемлемой частью 6-й роты. Ганс никогда не видел, чтобы тот был чем-то недоволен. Виктор приберегал

для Ганса сигареты, а тот, в ответ, выдавал Кестеру свою порцию шнапса, которую русский всегда принимал с видимым удовольствием.

Виктор много рассказывал Гансу о России, о ее истории, языке, обычаях, людях. Но никогда не заводил речь о коммунизме или войне. Когда Ганс в первый и последний раз спросил его, что тот думает о войне, Виктор коротко, и вполне по существу, ответил: *«Разве Гитлер спрашивал тебя, хочешь ли ты убивать русских? Сталин не спрашивал меня, хочу ли я убивать немцев. Мы с тобой друзья, начальник, зачем тогда спрашивать о войне?»* Да, он всегда называл Ганса начальником, так было до тех пор, пока Кестер оставался с Гансом. Это, наверно, было вызвано тем, что он считал себя его личным военнопленным.

Глава 4.

Марусе было всего 15 лет, когда началась война. Она только что окончила школу и полученное 7-ми классное образование позволяло ей в дальнейшем выучиться на какую-нибудь профессию. Осенью она собиралась подать документы в Гродненское педагогическое училище, и лето 1941 года было последним, когда можно было еще побыть ребенком, маленькой девочкой под крылом у мамы. Мама Степанида работала дояркой, а отец Лисица Николай, скорняк, двумя месяцами ранее был призван на военные сборы, и писем от него не было до сих пор. В помощь матери Маруся, пока та была на работе, нянчила своих малолетних сестреночек Дашеньку и Вареньку и занималась скотиной. Корова Душка, названная так за красивые глаза, жалобно мычала и просилась на луг. Маруся привязала ее за огородом и обратила внимание на раскаты грома, которые то и дело доносились из-за леса. Туч было не видно, и Маруся подумала, что идут военные учения, так часто бывало. По небу то и дело сновали самолеты. Сегодня их было особенно много – видимо, учения были большие. А ночью небо на западе светилось желтыми и красными бликами, и это было необычайно красиво. Через пару дней шум учений стих и деревня Дыбуньки Вишневого сельсовета зажила своей обычной жизнью. Под окнами проскрипела телега - председатель колхоза Иван Фомич поехал в район (в Вишневое) получать указания – телефона в деревне не было, и в этом не было ничего необычного.

В полдень с дороги послышался лязг гусениц и в деревню въехала колонна серых танков, на броне которых красовался отличительный знак – латинская буква «G». Всюду слышалась лающая немецкая речь. Деревенские были в растерянности: с Германией был мир и эти солдаты, видимо, принимали участие в совместных учениях. Однако вели они себя иначе, больше, как хозяева: к 16-ти часам приказали всем жителям собраться у колхозной конторы, там будет сделано важное объявление.

Когда жители собрались, перед ними выступил какой-то важный немецкий офицер, который на ломанном русском языке всех поздравил. Суть его поздравления заключалась в следующем: *«В деревню пришла непобедимая немецкая армия освободить жителей от «жидовской» советской власти. Колхоз в Дыбуньках будет работать, - сказал он, - как и раньше, и председателем останется тот же Иван Фомич, только будет теперь больше порядка»*. В заключении он тоном, не терпящим возражений, приказал разместить во всех имеющихся домах немецких солдат и офицеров, а сам отправился в сторону колхозной управы, у дверей которой уже стоял часовой.

Так буднично началась для жителей белорусской деревни Дыбуньки немецкая оккупация.

В доме Лисицы разместился молодой офицер, который ни бельмеса не понимал по-русски и знаками показал, что ему нужна чистая постель и еда. Матери с детьми он велел убираться из дома, а Марусе великодушно разрешил остаться, но она этого не оценила и ушла со своими в маленькую баньку, что когда-то срубил отец на краю огорода. Двор дома так же был занят немцами. Повредив створку ворот, они умудрились загнать во двор танк, а сами, набросав на сеновал брезент и одеяла, устроили там подобие казармы. Где-то в деревне солдаты нашли самогон и шумели, пели песни до полуночи.

Мать заперла баньку на щеколду изнутри, и это оказалось не лишним – ночью за дверь кто-то скребся и пытался открыть дверь.

На следующее утро Маруся стала свидетелем воздушного боя: два немецких истребителя оседлали большой советский самолет с красными звездами на крыльях. Он пытался оторваться от них, делал различные виражи, но, в конце концов, загорелся и упал в пятистах метрах за деревней. Один из летчиков спасся, но его парашют несло прямо на дома, чему немцы были очень рады. Когда летчик приземлился, после непродолжительной стрельбы его удалось разоружить и взять в плен. Маруся видела, как под конвоем его повели в управу, где размещался главный немец. Трем пожилым мужчинам, из тех, что по оказии судьбы еще оставались в деревне, приказали вырыть на деревенском кладбище две могилы. В одной из них похоронили погибшего летчика, которого принесли от самолета, а другая могила оставалась свободной.

Утром следующего дня в деревню приехала колонна топливозаправщиков. Немцы заправили танки и уехали, оглашая окрестности шумом моторов и облаками выхлопных газов. Перепуганные жители некоторое время оставались в неведении относительно своей дальнейшей судьбы. Отправившись к журавлю за водой и проходя мимо кладбища, Маруся обратила внимание, что во второй могиле тоже кого-то похоронили.

Прошла неделя и еще три дня. На четвертый день в деревню на телеге приехал какой-то хмурый мужик с винтовкой и белой повязкой на рукаве и сказал, что он теперь будет олицетворять здесь *«Новый порядок»*, и ему для этого потребуется выбрать старосту и назначить полицейских, из числа желающих. Старостой почти единогласно избрали председателя колхоза Гайдука Ивана Фомича, а вот с полицией вышла накладка. Большинство жителей были уверены, что Красная армия скоро вернется и прогонит оккупантов, и никто в полицию идти не хотел. В итоге, общими усилиями уговорили стать полицейскими Кузьмича, учителя немецкого, да Витьку Бульбу, которого знали по кличке *«Бульбаши»*. После такой реорганизации, которая заняла целый день, на утро следующего дня Фомич велел всем колхозникам выходить на работу в поле – снова начались тяжелые деревенские будни, к которым жители были приучены с детства.

Глава 5.

Хмурого полицейского, который приехал в деревню представлять здесь новый порядок, звали Дмитрук Савелий. Он был родом из Гадяча и состоял на службе у немцев еще в 1939-го года. Война застала его батраком в Польше, и он воспринял приход немцев, как освобождение. Сказать, что это он сделал поневоле было бы неправдой – в разговоре с деревенскими он хвалил немецкий порядок и агитировал мужиков, которые сумели избежать советской мобилизации, записываться в Белорусскую вспомогательную полицию, соблазняя хорошим пайком и прочими привилегиями. Поговаривали, что Савелий до того, как стал полицейским, учился у немцев во Франкфурте-на-Одере. В деревенской управе, где он оборудовал себе жилье-кабинет, можно было ознакомиться с последними новостями – на столе, что стоял перед его дверью, Савелий иногда выкладывал газеты *«Новый путь»*, которые привозил из района. Их можно было брать бесплатно, по одной в руки. Когда не было контроля, газет старались прихватить побольше (запасали на зиму) – естественные потребности в деревне никто не отменял, а зимой лопухи не растут.

Работа в колхозе (а немцы колхоз оставили) кипела с утра до позднего вечера. Окучивали картофель, пололи морковь и свеклу. Поскольку давно не было дождя, на единственной лошади, которая оставалась в хозяйстве, возили из пруда воду для полива капусты. Марию отрядили на сено. Заготовка шла на лугах возле речки. Туда выехали бабы да девки, некоторые с грудными младенцами. Стан оборудовали в тени деревьев: устроили шалаши – там придется жить до конца сенокоса. В котелках, подвешенных на жердочках, варили обед и ужин. Косить начинали *«со светом»*, по росе. *«Чем росистее трава, тем легче косить»*, говаривал Фомич.

Косарями назначили престарелого Демьяна-сапожника да Ерему (последнего не забрали в Красную армию по причине скудного ума). Иногда помогать им вызывался Витька – полицей, которого Савелий назначил на сенокос для охраны и присмотра. Прислонив старую «мосинку 2» к березе и скинув рубаху, «Бульбаи» лихо укладывал на землю ровные травяные пласты. Чего-чего, а косить Витька умел. Мария пристроилась за косарями и разбивала скошенную траву рукояткой граблей, чтобы солнце и ветер могли лучше ее просушить. Так вот и работала целыми днями под палящими лучами солнца. К вечеру разбитое и почти сухое сено требовалось сгрести в валы (длинные гряды), а из них уже сделать копны. На другой день, когда роса сойдет, копны следовало развалить кругами, а потом опять к вечеру собрать; в итоге, когда сено окончательно просохнет, его всей толпой метали в стога. Такой порядок обыкновенно бывает при уборке в ведренное время, но ежели случайно находят тучки и перепадают дожди, то случается много дополнительных хлопот: когда тучка еще заходит или, невзначай, пойдет дождь, сено, нужно немедленно скопнить, и оно остается в копнах на все время ненастья. Но как только проглянет солнце, копны снова разваливают и ворошат сено до тех пор, пока оно совершенно не просохнет. Эту науку, привитую кровавыми мозолями, Маша усвоила на всю жизнь.

Демьян, похоже, совсем выбился из сил. Он остановился перевести дух и приложился к косе точильным камнем.

-«Для кого косим, – адресовал он Витьке свой вопрос, - слышал, немцы к зиме всю скотину заберут?».

Витька остановился, воткнул косу древком в землю и достал обрывок газеты, из которой, поплевав, начал крутить самокрутку. Левая рука потянулась за табачком, который, судя по оттопыренному левому карману, Витька хранил там.

Не получив ответа на вопрос, Демьян съязвил:

-«Не боишься на «фюлера» плевать? Савелий, коль прознает, худо будет...».

Витька что-то пробурчал себе под нос.

-«Где табачком-то разжился?» - добавил Демьян уже примирительно; ссориться с полицией не входило в его планы.

Табачок Витька приобрел в районном центре, где располагалась немецкая комендатура. Вместе с Савелием он был там накануне на инструктаже.

Жирный немец в пенсне битый час разжёвывал собравшимся обязанности вспомогательной полиции, из чего Витька усвоил, что главное, что от него требовалось, это докладывать Савелию обо всем подозрительном, и не предпринимать самостоятельно никаких действий.

В связи с полученными инструкциями, Витьку мучила и занозой в мозгу сидела мысль о Валюхе, молодке лет 25-ти, что тремя днями ранее с дочкой прибежала из Минска и теперь проживала у своей тётки Агафьи. Регистрацию она не проходила, хотя Витька точно знал - Савелий держит на карандаше всех, кто проживает в деревне.

Вот и сейчас вокруг Агафьи собрались бабы со своими охами да вздохами. Валюха рассказывала, как в Минске, на Немиге немцы оборудовали еврейское гетто. Туда забрали её соседей Рахманчиков. С Аликом, их сыном, пока было можно, дружила её малолетняя дочка Оксана. Алик часто бывал у них дома. К сентябрю 1941 года евреев заставили носить жёлтые круги на спине и груди. Алика из гетто перестали выпускать, и Валентина однажды, когда ещё не было погромов (и Алика можно было спасти), бегала к нему (в ограде церкви Петра и Павла на Немиге была щель, в которую она пролезла и попала на улицу Островского, где жили Рахманчики). Она хотела забрать Алика в деревню (он был блондин), но родные решили: не надо. Погибли Рахманчики в первый же расстрел.

-«Почему отдыхаем? – Витька подключился к бабьему разговору, - на зиму себе не наработаешь, как жить будете?».

Бабы притихли. Предстоящая зима являлась очень актуальной проблемой. Главное в этой жизни было пережить зиму. Для этого делалось все возможное, и заготавливалось все, что можно было взять из огорода и леса.

Из огорода Мария вёдрами носила картошку в домашний погреб, с матерью её сначала перебирали. Мелкую отдавали скоту, гнилую мыли, срезали гниль, а остатки картофеля терли на крахмал. Это была посильная работа, но не любимая. Остатки клубня надо было тереть до самого маленького остатка, чтобы было меньше отходов, которые шли на корм скоту. От этой работы пальцы на руках были всегда истёрты в кровь. Но зимой из этого картофельного крахмала можно было сварить кисель.

Летом перед Машей ставилась задача насобирать и засолить, и засушить грибов, как можно больше, чтобы хватило варить грибной суп.

Между тем вечерело. Солнышко малиновым шаром прорезалось сквозь охватившие его густые тучи и опускалось за горизонт. Значит, завтра будет дождь. Бабы потянулись к шалашам. Ещё один день был прожит.

Глава 6.

Лёнька сидел на берегу пруда. Солнышко висело в зените и жарило до боли, а поплавок замер и, не шелохнувшись, стоял уже который час. Клёва не было. На поплавок откуда-то принесло стрекозу, она сидела на нем и радостно подёргивала крылышками. «*Ну все, - решил Лёнька и стал собираться домой, - теперь до вечера клевать не будет*». Он было уже потянулся за удочкой, но вдруг поплавок дернулся и исчез. Схватившись за удилище, он ощутил, что на том конце боролась за жизнь не просто рыба, а очень крупная рыба. Она металась: то всплывала, а то уходила на глубину, наконец, Лёнька вытащил её. Это был линь грамм на 700, он бился в траве и глотал воздух слюнявым ртом. Лёнька схватил рыбу обеими руками, но не удержал – она выскользнула и исчезла.

В ушах загремело: «*Рота подъем!*». Скрип кроватных сеток, топот, крики старшины вернули его в действительность – он уже 1,5 года служил матросом Краснознаменного Тихоокеанского флота, и не просто матросом, а сержантом. Только побывать на настоящем корабле за время службы ему не довелось, потому что служил он отдельном батальоне охраны судоремонтного завода, что размещался в посёлке Славянка Приморского края. Служба его не тяготила: после окончания учебных курсов, где ему было действительно тяжело, в батальоне охраны Леонид не то чтобы отдыхал, но и сильно не напрягался: каждые двое суток заступал в караул разводящим, вот и все, что считалось службой, а через 1,5 года его демобилизуют, и он поедет домой, так он считал.

Сны о доме часто приходили Леониду тихими безлунными ночами, а вот сегодня при-
снилась рыба. К чему бы? Финская война случилась без него и благополучно его миновала, она продолжалась всего 105 дней, как раз в это время парня муштровали на сержантских курсах. Других неприятных предпосылок не предвиделось: с японцами и немцами был мир. Правда сегодняшней подъем не походил на то, к чему Леонид привык: физическая зарядка прошла по сокращённой программе – преодолели всего половину маршрута, а раньше по утрам добежали до самого маяка Бюссе. После завтрака вместо отдыха перед караулом посадили чистить оружие. Что-то было не так, определённо. По субботам если не было караула, обычно отпускали служивых на танцы в сельский клуб. Уже вечерело и с первыми сумерками со стороны клуба стали доноситься знакомые звуки баяна, но на танцы тоже непустили. Начальство нервничало, но о своих тревогах не распространялось.

Ясность наступила в 12 часов следующего дня (22 июня): матросов построили и зачитали приказ народного комиссара обороны № 1, основной смысл которого сводился к тому, что требовалось «*быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар любого врага*», а также следовало подготовить помещения ремонтного завода к затемнению. Проведение каких-

либо других мероприятий без особого на то разрешения запрещалось. Поползли слухи, что нападут немцы или уже напали, но ничего определённого выяснить не удалось. Наконец, только 23 июня командир батальона зачитал текст радиообращения В. М. Молотова о начале войны с Германией, и что Красная Армия и пограничники уже ведут бой на границе, и очень скоро прогонят агрессора вспять. Эта война, предположил Леонид, ожидаемо, быстро закончится, как и финская, и он не знал радоваться или огорчаться от этого. Матросы читали газеты, а там с одной стороны, писали про успешный танковый удар под Дубно с целью окружения вторгнувшейся немецкой группировки, а с другой - линия фронта двигалась к Смоленску. И это было неожиданно!

В Славянке война почти не ощущалась, разве что призывали мужчин из посёлка, кроме тех, кто имел бронь судоремонтного завода. Забрали в армию и часть заводчан, а на их место кадры зазывали женщин, на что последние шли довольно охотно, предпочитая завод полевым работам.

Осенью стало понятно, что быстрой победы не случится, напротив, в начале октября немец начал наступление на Москву. Впервые Леониду стало страшно.

Он сидел в караулке за столом, и разные мысли настойчиво лезли в голову. Если немец дойдёт до Москвы, что тогда? Где хваленая Красная армия? Которая должна была... Размышления прервал ефрейтор Лошкин, он был призван из-под Вязьмы. Парень давно не получал писем из дома, а сейчас там были немцы. *«Саньч, они же гражданских не трогают?»* - успокаивал себя ефрейтор, задавая глупые вопросы. *«Да кто ж его знает»* - отвечал Леонид, а сам думал о том, что ожидает его близких, если враг вдруг дойдёт.

«Валентин (так звали Лошкина), ты не переживай ранние времена. Была эвакуация. Жена твоя, ты говорил, на заводе работала? Так вот, скорее всего, с заводом и эвакуировали её. Не переживай!» - Леонид, как мог, успокаивал друга, но получалось как-то не очень убедительно. За окном лил проливной дождь, словно на дворе была не осень, а все ещё июль. Леонид слышал, что летом с Тихого океана на континент устремляются потоки воздуха, морские воздушные массы взаимодействуют с континентальными, в результате чего, летом на Дальнем Востоке идут муссонные дожди. А сейчас октябрь, а льёт, как в июле, будто природа чего-то понимала в этой жизни и проливали свои слезы.

«Летом было много грибов, явная примета – к войне» - не унимался Лошкин. Но необходимости отвечать уже не было, Леонид поднимал отдыхающую смену, следовало сменить посты.

В первых числах ноября из Москвы прибыл полковник Мирошников, о его миссии стало известно очень быстро, да он её и не скрывал. Полковнику было поручено сформировать из матросов береговой охраны маршевую роту для отправки на фронт. В роту записывали сначала только желающих. Поскольку быстрой победы не предвиделось, то желающих оказалось не так много, как того ожидало начальство. Поэтому, почти сразу же начались беседы с остальным личным составом. Аргументов много не требовалось, все понимали, что предлагается дорога в один конец, а жить, конечно, всем хотелось. Но матросы осознавали так же, что оккупанты принесут смерть и порабощение не только им, ещё молодым людям, но также их матерям, сёстрам, жёнам – всем, до кого смогут дотянуться! Поэтому не сразу, но ряды роты неуклонно стали расти, и скоро достигли штатной численности.

Леонид не сразу решился записаться туда. Он ещё раздумывал, когда встретил улыбающегося Лошкина - тот радовался, что его записали на фронт. Он был не глуп, и все понимал, но готов был ценой своей жизни изменить течение неизбежного зла, которое необратимо приближалось. И Леониду стало стыдно. Его родная деревня была далеко от фронта, но чем она была лучше других деревень, где хозяйничали фашисты? И Леонид, сделав усилие над собой, пошёл в штаб - там принимал Мирошников.

Глава 7.

Русская зима обрушилась на немцев неожиданно, как настоящая катастрофа, которой не ждёшь. Низкие температуры оказались настоящим сюрпризом, великим открытием для войск вермахта, привыкших к более мягким погодным условиям. Танки из-за лютых морозов превращались в неподвижных стальных чудовищ, застывших на месте на пути к Москве. Моторное масло густело и замерзло, аккумуляторы в машинах превращались за ночь в глыбы льда.

Виктор научил Ганса многим полезным навыкам, которыми русские владели априори, например: сливать тёплое машинное масло из танков; по его совету танкисты стали снимать аккумуляторы и на ночь заносили их в тёплое помещение. Узнали немцы от него и другие премудрости в обращении с техникой, видимо не зря называл он себя *«специалистом»*. В конце концов танкисты роты стали привыкать к *«ароматам»* тёплых русских хат, а также к блохам, вшам и клопам. Самым главным было то, чтобы находиться в тепле.

Сугробы порой достигали 2 метров в высоту. Война тоже затихла вместе с трескучими морозами. И тут для Виктора настало время блеснуть своими новыми талантами. Он где-то раздобыл сани, на которые насыпал сена, чтобы пассажиры не слишком мёрзли, затем разжился лошадьми. Было сущим удовольствием ходить с ним зимой на охоту. Ганс с товарищами при этом не передвигались пешком, а восседали на санях, что было не в пример удобнее. Таким же образом пытались проводить и разведку русских позиций.

Прирождённые умения Виктора и его инстинктивная способность угадывать верное направление оказались очень полезными. Вскоре он обрёл официальный статус *«хиви»*, или *«добровольный помощник»* немецкой армии. Виктор настолько хорошо научился говорить по-немецки, что иногда использовали его в качестве переводчика.

Затем началось зимнее наступление Красной армии. Деревня в центре участка фронта, где располагался батальон подполковника Хохбаума (в т.ч. 6-я рота Ганса Вольшшлегера), называлась Хотьково, и это название Ганс запомнил на всю оставшуюся жизнь. Была жутко холодная зимняя ночь.

Небо было звёздное, под ногами хрустел снег. Русские атаковали немцев одновременно с трёх сторон. Телефонная связь, столь нужная в такой момент, была разорвана. Необходимо было прояснить обстановку. Ганс, надев маскхалат и прихватив бинокль, пополз в сторону противника на небольшой холмик, который лежал в 200-х метрах восточнее. С него можно было обозреть местность. Неожиданно выяснилось: немецкие позиции оказались между наступающими русскими войсками. Какой-то неожиданный удар свалил Ганса на землю. Он не смог подняться на ноги и ощутил жар, жжение и боль в правом бедре.

Когда он нащупал рукой это место, то обнаружил, что все пальцы в крови, которая прямо на глазах превращалась в лёд. Товарищей нигде не было видно. Ганс попытался ползти назад по своим следам. Ему удалось преодолеть небольшое расстояние, но силы вскоре покинули оберлейтенанта. Ноги постепенно теряли чувствительность. Только бы не потерять сознание – это была единственная его мысль в те минуты, иначе конец. Стоит ненадолго заснуть, и на морозе ждёт верная смерть. В таких условиях никому не удавалось выжить, это Ганс точно знал.

Потом он увидел какую-то тень – кто-то шёл по его следам. Вскоре незнакомая фигура приблизилась. Ганс уже снова был готов потерять сознание, когда Виктор (а это был он) подбежал и обработал рану, остановив кровотечение. Находясь в полубредовом состоянии, Ганс почувствовал, что Виктор взял его за поясной ремень и оттащил по протоптанной тропинке в безопасное место за высоким сугробом.

Там он укутал Вольшшлегера в свою шинель, взял его на свои сильные руки, и понёс под огнём вражеских пулемётов и артиллерии в сторону немецких окопов. В блиндаже Виктор энергично натёр утратившие чувствительность конечности Ганса снегом и вскоре сумел восстановить кровообращение, тем самым спас их от обморожения. Затем опытными руками перевязал рану. К счастью, у Ганса оказалось сквозное ранение, и пуля не задела кость. Рана затя-

нулась скоро, даже без дополнительной врачебной помощи. А Виктор провёл день и ночь возле Вольшлегера.

За его доблестный поступок Ганс подарил ему амулет, который Виктор обычно носил на шее. Его вручила Гансу мать, когда тот отправлялся на войну.

Ужасная зима неизбежно подошла к концу. Виктор водил грузовик полевой кухни батальона целых три года. На нем он форсировал Оку и Днепр, Березину и Буг, на нем колесил по дорогам войны.

Глава 8.

Когда маршевая рота из числа матросов Славянского гарнизона была сформирована, вечером, в праздничный день 7 ноября добровольцев погрузили на паром, который взял курс на Владивосток. Дул холодный пронизывающий ветер, у воды холод ощущался ещё острее и вызывал озноб. Леонид, закутавшись в бушлат, смотрел на расходящиеся за кормой волны и думал о своём: где-то там, далеко, его родное Денисьево, их пятистенок с окнами на три стороны и мама у окна, ожидающая своих сыновей. Старшего, Василия, она не дождалась ещё с Первой мировой. Где-то лежит он, зарытый в безымянной могиле на берегу полноводного Сана. А может, и могилы-то нет – просто утонул, и вода унесла. Пришла похоронка, что погиб на реке Сан и все. В последнем письме мама писала, что брата Сеньку тоже призвали на войну в начале июля, и писем, покамест, от него не было. В доме, кроме матери, осталась только Сенькина жена Анна с дочкой Василисой. И та мечтает переехать в Борисоглебское, там есть работа. Осенью собирались было Сенькиной дочке, Василиске, сыграть свадьбу, да жениха забрали на войну – она теперь переживает, ждёт весточек. Все более-менее нормально только у Аннушки, у сестры. У неё никого на войну не забрали: муж - инвалид, а дети ещё недоросли. Вот подумал тоже: инвалидность – это, получается, хорошо, усмехнулся Леонид.

От мыслей отвлёк шум – паром медленно причаливал к старой, едва живой пристани, с надписью «Безверхово», косо намалёванной белой облупившейся краской или известью. В Безверхово шумно с шутками и прибаутками загрузилась ещё одна маршевая рота, и паром пошёл дальше, до Владивостока оставалось ходу на 2 часа.

В городе заночевали в спортзале какой-то школы, недалеко от центра города, а утром разместились в теплушке товарного поезда, который стоял под парами ещё пол дня, а затем тудяга-паровозик потащил неспешно свой состав с длительными остановками, пропуская вперёд литерные и скорые поезда. Прошли полторы недели, прежде чем, наконец, поезд прибыл в пункт назначения – город Владимир. Здесь паровоз замедлил ход, и состав остановился. Две роты выгрузились и проследовали своим ходом до бывшей духовной семинарии, откуда их, по замыслу командования (так им сказали), должны были автотранспортом перевезти к месту дислокации. Однако ожидание затянулось. Центральные улицы Владимира были буквально забиты машинами, едущими на восток. Поток машин был настолько плотный и двигался так медленно, что походил на металлическую змею, которая, извиваясь, блестела в слабых лучах осеннего солнца. Стало понятно – автотранспорта придётся ждать долго. Сухой паек, который был получен Леонидом перед убытием в Славянке, был съеден ещё в поезде, и мечта вдоволь поесть чёрного хлеба и согреться не давала думать ни о чем другом.

Город замерзал. Над домами прозрачным солнечным утром редко где поднимались тоненькие струйки дыма – из-за плохого состояния дорог горисполком не сумел заготовить и завезти в город ни дров, ни угля – так говорили местные. Мирошников нашёл где-то милицейский участок и с их помощью организовал расселение матросов по близлежащим домам на одну ночь – по 5- 8 человек на дом/квартиру. Леониду повезло: в доме, куда поместили его с товарищами, оказалась русская печь. Она была топлена пару дней назад и все ещё хранила остатки тепла, от чего было уютно, хоть и пришлось разместиться на полу. Хозяйка, худая старая женщина, суежилась и старалась помочь, чем могла. Картошка, которую она подала на

стол, оказывалась подмороженной (попала на складе под ранние заморозки), а хлеба она не положила совсем: или не было, или пожалела – отоваривали в то время горожан хлебом по карточкам, люди стояли в очередях по три-четыре часа. Хозяйка жаловалась, что постоянно приходится менять вещи на продукты: на картошку, крупу. В магазинах и лавках быстро раскупили всю крупу, муку, соль, спички и другие жизненно важные продукты и товары. Слушая её жалобы и оправдания, Леониду расхотелось есть, пища стояла комом в горле. Он тогда впервые подумал, что Славянка была не самым плохим местом в его жизни.

Следующее утро началось с воздушной тревоги – над городом проносились самолёты: немецкие «штуки» 3 и наши ястребки, шёл воздушный бой. Но хозяйка в бомбоубежище не торопилась, сказала, что город немцы не бомбят, а сбрасывают бомбы за городом, на Горьковскую дорогу.

Дорога Владимир-Горький была одной из основных магистралей, по которой происходило передвижение войск с востока на запад и обратно. По этой дороге шли бесконечные колонны машин с эвакуировавшимися на восток людьми, гнали измученную истощённую скотину, которую тут же забивали, шли уставшие бойцы – остатки частей, выводимых на переформирование и доукомплектование.

Леонид с товарищами, ориентируясь на хозяйку, так же остались в доме – находясь в бомбоубежище, они рисковали потеряться и отстать от команды. И дальнейшие события подтвердили правильность такого выбора. Едва перестала реветь сирена, как Мирошников стал собирать личный состав – прибыл транспорт.

Путь до места дислокации занял около часа. Расстояние от Владимира было порядка тридцати километров, но разбитая ухабистая дорога не позволяла двигаться быстрее 20-30-ти километров в час. Кроме того, на дороге постоянно приходилось разъезжаться со встречным транспортом и разнонаправленным движением плотных масс людей – здесь возводили оградительную линию окопов в виде дуги – кольцевую оборонительную полосу вокруг Владимира.

Место, куда привезли матросов, называлось Ставрово, большое село. Здесь, как понял Леонид, формировался 7-й отдельный стрелковый батальон Тихоокеанского флота, в котором теперь ему придётся служить, и в составе, которого, он пойдёт в свой первый бой. Что сразу бросилось в глаза, так это строжайшие меры маскировки: никаких признаков нахождения здесь воинской части не было: военнослужащие размещались по домам, движение личного состава в составе подразделений было строго запрещено, вся техника была укрыта в коровнике и сарае МТС. Специальный дежурный наряд следил за обстановкой в воздухе. В случае появления самолёта, неважно какого, раздавался сигнал горна, и все прятались в близлежащих постройках или в тени деревьев.

Командование батальона времени зря не теряло, на следующий же день по прибытию матросов распределили по подразделениям, и началась боевая подготовка. Она проходила преимущественно в полевых условиях, в лесном массиве, который располагался в треугольнике деревень Бабаево – Толпухово – Ермонино, что делало нахождение здесь боевых частей максимально скрытым.

Леонид был назначен командиром стрелкового отделения, куда входили 7 стрелков, один снайпер и один пулемётчик. Занятия по боевой подготовке проходили по плотному графику с раннего утра и до темна: много стреляли, рыли одиночные окопы, которые соединяли в траншеи, определяли расстояния и азимуты до целей, учились маскироваться от воздушной разведки противника, и даже проходили «окуривание» в противогазе, хотя не было слышно, чтобы немец применял газы на фронте. Самой же сложной, в психологическом плане, была обкатка танками: боец находился в одиночном окопе, на него двигался танк, нужно было сгруппироваться в окопе и пропустить танк над собой, затем приподняться и бросить болванку, имитирующую гранату, в двигатель, который находился в кормовой части танка. Для обкатки бойцов имелись три танка Т-26, которые прислали шефы из Пушкинского (Рыбинского) авто-

бронетанкового училища. По иронии судьбы два танка из стрех не выдержали интенсивной эксплуатации и сломались. Оставался последний, но и он проходил недолго – не выдержала подвеска. Экипаж танка был обучен менять гусеницы, обслуживать двигатель, а вот с подвеской дел не имел. Стали привлекать добровольцев в помощь, и выбор пал на отделение Леонида, которое добровольно-принудительно обязали помогать в ремонте. Леонид раньше не имел дел с автотракторной техникой, но работа показалась ему интересной – он с неподдельным любопытством занимался ей, подавая порой нестандартные, но дельные предложения. В результате, танк так и не был отремонтирован. Из авто-бронетанкового училища, к которому танк был приписан, прислали ремонтную команду с запчастями. С ними прибыл майор, преподаватель училища, который, не теряя времени, стал выявлять среди матросов потенциальных кандидатов, которые пожелали бы получить офицерское звание и стать командирами танков. Предпочтение отдавалось бойцам, имеющим техническое образование, но таких оказалось немного, и в поле зрения майора попал Леонид, показавший при ремонте Т-26 определённые технические задатки. Так волею судьбы Леонид оказался откомандирован в Пушкинское танковое училище, которое на тот момент размещалось в городе Рыбинске Ярославской области.

До Рыбинска в кузове полуторки ехали несколько матросов, отобранных в училище, и ремонтная команда, которая к тому времени завершила ремонт танка. Когда автомобиль проезжал через Ростов, сердце Леонида буквально выпрыгивало из груди: совсем рядом были его дом и близкие ему люди. Но сделать крюк в 20 километров и заехать, не было никакой возможности – майор так спешил, что Леонид не решился обратиться к нему с таким сугубо личным предложением.

Срок обучения в училище составлял один год, готовились командиры танков – младшие лейтенанты (три батальона) и специалисты по ремонту техники (один батальон). Леонида зачислили в четвёртый (ремонтный) батальон. Он насчитывал приблизительно 600 человек. Все курсанты были или бывшими фронтовиками, или имели среднее техническое образование. Таких как Леонид, крестьян, было немного.

Три командных батальона располагались в *«красных казармах»* в квартале улиц Крестовая, Кирова, Волжская набережная и Луначарского; там же размещались штаб, столовая, клуб-библиотека, медсанчасть, гаражи, склады, тир, плац и другие службы. В здании Сретенской церкви хранились оружие и боеприпасы. Инженерный батальон имел казарму на ул. Чкалова в здании, где раньше располагалась городская типография. А в школе № 33 для инженеров был организован теоретический учебный корпус. В классах стояли двигатели и узлы (в разрезе) различных танков: старых Т-26, БТ-5, БТ-7 и новых КВ-1 и Т-34.

В 20 километрах от Рыбинска на поле между деревнями Почестновка и Малое Андрейково находился танковый полигон, оборудованный с учётом всех особенностей современной войны: там было стрельбище, танкодром, укрытия для танков, военный городок, землянки, караульные помещения, санчасть и прочие службы. На полигон на месяц выводился каждый батальон и в условиях, приближенных к боевым, там проходили учения: стрельба из танков, вождение, овладение командирскими навыками, а для инженеров – ремонт и эвакуация танков в условиях боя.

Танковый парк училища состоял в основном из устаревших танков, но было и кое-что новенькое: три грозных КВ-1 в исправном состоянии и 7 новеньких тридцатьчетвёрок с орудиями 76-го калибра.

Год обучения в училище пролетел незаметно, не было времени отдохнуть и оглянуться вокруг. В Рыбинске Леонид за время обучения был всего 3 или 4 раза, все остальное время было отдано полигонам, стрельбам, монтажу двигателей, регулировке трансмиссий, замене катков и многому другому, чему его пытались научить за этот короткий год. Правда, один раз ему удалось сходить с девушкой в кино. Он шёл мимо кинотеатра, когда симпатичная незнакомка предложила ему билет. Видимо, она ждала кого-то другого и тот, другой, не пришёл.

Так Леонид познакомился со студенткой медицинского техникума Раисой и даже проводил её до дома. Новых свиданий молодые люди не назначали – понимали, что завтра их навсегда разведёт война.

Новый 1942 год принёс облегчение: немца погнали от Москвы и молодые люди, ощущая прилив энтузиазма, рвались на фронт. Рапорта об отправке на фронт писали и преподаватели. Наконец-то Гитлеру воздастся за все, что он натворил на нашей земле, говорили курсанты. Мало кто из них понимал тогда, что победа под Москвой была только началом длинного пути – впереди будущих офицеров ожидали ещё три года войны, страданий и потерь. И далеко не все из них вернутся домой живыми.

Глава 9.

Шёл третий год оккупации. В Дыбуньках народу почти не осталось, только бабы да малолетние дитяти. Из молодых женщин и девушек 17-18 лет многих забрали на работу в Германию. Машеньке хоть и исполнилось весной 17-ть, но выглядела она лет на 14 - сказывалась худоба от систематического недоедания. Благо Дмитрук изучением документов себя не утруждал и возраст потенциального кандидата в «*арбайтеры*» определял на глазок – это, на какое-то время, позволяло Марии оставаться в семье с матерью. Главное было не попадаться Савелию на глаза. Полицай Кузьмич знал её возраст, но прошлой осенью его отрядили на борьбу с партизанами, и он сгинул без следа. В деревню возвратился один «*Бульбаи*», который, не в пример прошлой жизни, стал хмурым и неразговорчивым. Поговаривали, что ему приходилось участвовать в расстрелах, и что его самого чуть немцы не расстреляли – оттого он теперь был такой хмурым. Так вот и жили.

Без мужских рук было тяжело и голодно. Главное в той жизни было пережить зиму. Для этого делалось все возможное, что можно было взять из огорода и леса. Семья на огороде сажала картофель, капусту, свёклу, морковь, лук, укроп, помидоры, огурцы, редис – всё, что могло быть сохранено для потребления предстоящей зимой. Замачивали семена, извлечённые из помидоров; мякоть помидоров шла в пищу, а семена – на выращивание рассады. Урожаи были неплохие, видно, сказывался «*эффект целины*»: на пустыре, где был огород, раньше рос только бурьян. Всё, что можно было сохранить, семья заготавливала на зиму – квасили капусту, солили огурцы, помидоры. Семян особо купить было негде, поэтому выращивали их самостоятельно. Однажды купили на рынке редиску, посадили на грядку, корнеплоды укоренились, пошли в рост, зацвели – осенью уже собрали свои семена. Капусту убирали с большими кочерыжками, весной срезали с кочана почти все листья (их пускали на щи), а оставшуюся часть высаживали. Вскоре листья распрямлялись, образовывались новые, и наконец вырастали цветочные стрелки. Семена укропа заготавливали в большом количестве. Не только для посева, но и использовали их в качестве пряностей. Из сахарной свёклы делали очень вкусные «*конфеты*» – корнеплоды резали на небольшие кусочки и запекали их в духовке.

Из огорода картошку ведрами загружали в домашний погреб. Сначала её перебирали. Мелкую - скоту, гнилую мыли, срезали саму гниль, а остатки картофеля тёрли на крахмал. Это была посильная для Маши и сестёр работа, но не любимая. Остатки клубня надо было тереть до самого маленького остатка, чтобы было меньше отходов, которые шли на корм скоту. От этой работы пальцы на руках были всегда стёрты в кровь. Но зимой из этого картофельного крахмала мама Степанида варила кисели. Картофельные блюда не отличались многообразием и чередовались почти в одной и той же последовательности: картофель варёный в «*мундире*», чищенный варёный картофель с солью, картофельное пюре на воде, жареный картофель на постном масле, печёный картофель в русской печи или голландке. Но ещё делались картофельные лепёшки.

Это почти мгновенный метод утоления голода. Бралась в руки целая не чищенная картофелина и разрезалась на ломтики. На горячей плите сметались тряпкой остатки глины-замазки,

которые сыпались из швов печки, сажу из дымохода и на это место клались ломтики картофеля. Раскалённая плита быстро поджаривала одну сторону ломтя, далее следовал его переверт, и буквально через две-три минуты картофельная оладья была готова. В детстве такая недожаренная картофельная оладья была особенно вкусной.

Летом перед девочками ставилась задача насобирать и насолить в кадushке грибов литров на сорок, и засушить их как можно больше, чтобы хватило зимой варить грибной суп. Ещё осенью Лисицы солили кадку капусты, если её удавалось вырастить.

Самыми голодными были месяцы апрель-июнь, когда запасы продовольствия заканчивались. Тогда переходили на подножный корм. Маша с сёстрами уходила в лес, где из-под снега появлялись первые цветы - подснежники; девочки съедали эти душистые лепестки, в которых ощущалось слабое наличие сахара. Затем из земли появлялись головки «пестиков» - это хвощи; их ели и собирали эти «пестики» до тех пор, пока они не вырастали в высокие стебли, а их головки не начинали дымить пыльцой. Ели лесную кислицу. Особенно ценились молодые побеги ёлки, пихты, сосны. Желудок воспринимал всю эту пищу с пониманием и жадностью. Если что-то и болело внутри детского организма, то диагноз был один: болит живот. Живот болел то ли от недоедания, то ли от глистов. Когда у Маши или у сестёр болел живот, они жаловалась на эти боли матери. У неё было на все это одно народное средство – клубок шерстяных ниток. Мама находила этот клубок и командовала:

- *«Ложись на пол животом. Клади клубок под живот. Да не так, клади под самый пупок. И теперь лежи, терпи, сейчас начнёт тукать».*

Действительно, через некоторое время в животе в районе пупка начинало что-то тукать, как удары сердца, и боль уходила.

Такую процедуру Маша исполняла и на улице во время девчачьих посиделок, но вместо клубка шерстяных ниток подкладывала свой собственный кулак. Подруги собирались вокруг с интересом и насмешками. Но Маше было не смеха, когда болел живот, тем более что боль через некоторое время прекращалась.

Досаждала и другая беда полуголодного существования – вши. Боролись с ними кардинально. Сестёр остригли наголо, а Маша с боем отстояла свою причёску, всё-таки она была уже девушкой; однако пришлось матери пообещать, что каждый вечер она будет вычёсывать свои волосы большим деревянным гребнем, который хранился у них с незапамятных времён.

Однако, никакие гребешки и регулярные чесания женских волос не спасали головы от вшей. Вши копошились и в одежде, здесь тоже приходилось вести борьбу за нормальное существование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.